

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Презумпция невиновности в системе принципов уголовного процесса РФ»

Обучающийся

А.А. Доброскок

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

А.Р. Тахаутдинова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность данного бакалаврского исследования определяется совокупностью теоретических и практических проблем, связанных с реализацией принципа презумпции невиновности в российском уголовном судопроизводстве.

В Российской Федерации его конституционно-правовое регулирование данного принципа осуществляется на основании ст. 49 Конституции РФ, тогда как отраслевая конкретизация представлена в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Такое многоуровневое нормативное закрепление подчеркивает его системообразующее значение в механизме уголовно-процессуального регулирования.

Целью настоящего бакалаврского исследования является комплексный анализ сущности, нормативно-правового содержания и проблем имплементации принципа презумпции невиновности в правоприменительной практике Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие исследовательские задачи:

- ретроспективный анализ эволюции российского законодательства, регулирующего принцип презумпции невиновности;
- систематизация теоретических подходов к доктринальному толкованию и юридической природе данного принципа;
- исследование процессуальных особенностей его реализации на стадии предварительного расследования;
- анализ практических проблем, возникающих при применении презумпции невиновности в судебных стадиях уголовного процесса.

Такая структура исследования позволяет обеспечить всестороннее изучение заявленной проблематики в теоретико-прикладном аспекте.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общетеоретические положения о принципе презумпции невиновности	7
1.1 Презумпция невиновности: исторический обзор	7
1.2 Презумпция невиновности как частный случай действующих правовых презумпций	13
Глава 2 Процессуальная регламентация применения принципа презумпции невиновности	27
2.1 Реализация принципа презумпции невиновности в ходе предварительного расследования	27
2.2 Реализация принципа презумпции невиновности в судебном производстве	35
Глава 3 Проблемные вопросы реализации принципа презумпции невиновности	44
3.1 Проблемы процессуальной регламентации принципа презумпции невиновности	44
3.2 Проблемы правоприменительной практики реализации принципа презумпции невиновности	52
Заключение	63
Список используемой литературы и используемых источников.....	66

Введение

Актуальность данного бакалаврского исследования определяется совокупностью теоретических и практических проблем, связанных с реализацией принципа презумпции невиновности в российском уголовном судопроизводстве.

Принцип презумпции невиновности закреплён в международном праве, включая Всеобщую декларацию прав человека (ст. 11), а также в национальных правовых системах большинства государств. В Российской Федерации его конституционно-правовое регулирование осуществляется на основании ст. 49 Конституции РФ, тогда как отраслевая конкретизация представлена в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Такое многоуровневое нормативное закрепление подчеркивает его системообразующее значение в механизме уголовно-процессуального регулирования.

Несмотря на нормативное закрепление презумпции невиновности в действующем законодательстве, её практическая реализация в правоприменительной деятельности не приобрела абсолютного характера. Нарушения данного принципа могут возникать на различных стадиях уголовного судопроизводства, что обусловлено как объективными факторами процессуального характера, так и субъективными аспектами правоприменительной практики. В ходе предварительного расследования нередко наблюдаются случаи преждевременного формирования у правоохранительных органов убеждённости в виновности подозреваемого или обвиняемого, что проявляется в принятии процессуальных решений до установления всех фактических обстоятельств дела.

Вместе с тем, сохраняющиеся теоретические неопределённости и правоприменительные коллизии требуют разработки системных мер, направленных на оптимизацию механизмов реализации данного принципа, включая совершенствование нормативного регулирования и формирование

единообразной судебной практики толкования соответствующих процессуальных норм. Подобные меры должны быть ориентированы на устранение существующих правовых пробелов и доктринальных противоречий, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности процессуальных гарантий защиты прав участников уголовного судопроизводства и укреплению принципа верховенства права.

Объект бакалаврской работы – общественные отношения, возникающие в процессе реализации принципа презумпции невиновности в уголовно-процессуальном праве России.

Предмет бакалаврской работы – принцип презумпции невиновности и его закрепление в нормах уголовно-процессуального права.

Целью настоящего бакалаврского исследования является комплексный анализ сущности, нормативно-правового содержания и проблем имплементации принципа презумпции невиновности в правоприменительной практике Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие исследовательские задачи:

- ретроспективный анализ эволюции российского законодательства, регулирующего принцип презумпции невиновности;
- систематизация теоретических подходов к доктринальному толкованию и юридической природе данного принципа;
- исследование процессуальных особенностей его реализации на стадии предварительного расследования;
- выявление специфики действия презумпции невиновности в контексте судебного производства;
- определение ключевых теоретических противоречий, связанных с реализацией рассматриваемого принципа;
- анализ практических проблем, возникающих при применении презумпции невиновности в судебных стадиях уголовного процесса.

Такая структура исследования позволяет обеспечить всестороннее изучение заявленной проблематики в теоретико-прикладном аспекте.

Методологическая основа исследования базируется на системе взаимодополняющих научных методов познания, интегрирующих общеправовые и специальные научные подходы. В качестве фундаментального методологического подхода выступает диалектико-материалистический метод, позволивший рассмотреть принцип презумпции невиновности в динамике его развития и во взаимосвязи с другими элементами правовой системы. В исследовании применен комплекс общенаучных методов, включая сравнительно-аналитический, системно-структурный, индуктивно-дедуктивный, а также методы научной абстракции, анализа и синтеза. Специальная методология исследования представлена историко-правовым, сравнительно-правовым, системно-функциональным, формально-юридическим, конкретно-социологическим и статистическим методами, что обеспечило методологический плюрализм и верификацию полученных результатов.

Теоретико-нормативная база исследования сформирована на основе системного анализа доктринальных источников в области философии права, общей теории права, уголовного права и процесса, включая фундаментальные труды отечественных и зарубежных правоведов. Особое внимание уделено исследованиям, посвященным проблемам реализации процессуальных гарантий в уголовном судопроизводстве. Нормативную основу составили международно-правовые акты, конституционные положения и отраслевое законодательство Российской Федерации, что позволило осуществить многоуровневый анализ правового регулирования принципа презумпции невиновности. Такой комплексный подход обеспечил теоретическую обоснованность и методологическую состоятельность проведенного исследования.

Структура работы включает введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общетеоретические положения о принципе презумпции невиновности

1.1 Презумпция невиновности: исторический обзор

Принцип презумпции невиновности имеет глубокие исторические корни в российском уголовном судопроизводстве. Анализ нормативных актов Российской империи XVII-XIX веков позволяет выявить отдельные положения, отражающие элементы данного принципа, хотя его полное законодательное закрепление в указанный период отсутствовало. В частности, доминирование инквизиционной формы уголовного процесса до XVIII века объективно исключало возможность официального признания презумпции невиновности, поскольку такая процессуальная модель предполагала изначальную презумпцию виновности обвиняемого.

Однако ретроспективное исследование правовых актов Московского государства демонстрирует наличие отдельных нормативных положений, которые могут быть интерпретированы как прообразы современного понимания презумпции невиновности, что свидетельствует о постепенной эволюции данного принципа в отечественном правоприменении. Например, в ст. 8 Соборного уложения 1649 года указывалось на «необходимость тщательно проверять все обвинения совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Если совершивший преступление против собственности или личности обвинялся в совершении тяжких преступлений, то нельзя было безоговорочно верить обвинителю, а прежде всего, нужно было проверить основание обвинения и установить все обстоятельства совершенного деяния» [56], [75, с. 42].

«Впервые об упоминании принципа презумпции невиновности в современной его трактовке можно встретить в Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения (1767 года)» [6, с. 12]. Екатерина II, издав данный наказ, «предприняла шаги для исключения юридической силы доказательств,

полученных с использованием пыток. По мнению императрицы, лучше вынести десять оправдательных приговоров, чем засудить одного невиновного» [6, с. 13].

Однако данные «попытки внедрить в процессуальную практику принцип презумпции невиновности оказались безуспешными в силу косности и консервативности судебной системы» [31, с. 226].

Законодательное закрепление рассматриваемый принцип нашел в Уложении о наказаниях 1845 года [64] в главе 3 «Об определении наказаний по преступлениям». В данной главе было установлено положение, согласно которому «уголовное наказание должно применяться к обвиняемому лишь тогда, когда суд собрал и доказал все факты его преступной деятельности. При этом, обвинение в совершении преступления должно быть вменено подсудимому или подсудимым в вину» [31, с. 227].

«В историко-правовом аспекте институт презумпции невиновности получил нормативное закрепление в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, где в статье 14 устанавливался фундаментальный принцип, согласно которому уголовное наказание могло быть применено исключительно на основании вступившего в законную силу судебного приговора. Процессуальная доктрина того периода, отраженная в статье 766, предусматривала формирование судейского убеждения на основе комплексной оценки всей совокупности обстоятельств дела» [26, с. 42].

Примечательно, что законодатель предусмотрел дифференцированный подход к оценке признания подсудимого: в соответствии со статьями 681-682, бесспорное признание могло служить основанием для перехода к заключительным прениям, однако за судом и участниками процесса сохранялось право требовать полного судебного исследования. При этом статья 685 специально оговаривала процессуальный запрет трактовать молчание подсудимого как косвенное признание вины, что свидетельствует о развитом характере процессуальных гарантий того периода.

Кардинальная трансформация данного правового института произошла в период становления советской правовой системы после 1917 года, когда в условиях формирования новой государственности подверглись пересмотру базовые принципы уголовного судопроизводства, включая концепцию презумпции невиновности. Этот исторический этап характеризовался существенной модификацией традиционных подходов к процессуальным гарантиям прав личности в уголовном процессе. Развитие советского уголовно-процессуального законодательства в этот период характеризовалось диалектическим противоречием: с одной стороны, декларировались прогрессивные правовые идеи, с другой - практическая реализация принципа презумпции невиновности зачастую ограничивалась классовым подходом и требованиями революционной целесообразности. Данная противоречивость правового регулирования отражала переходный характер эпохи, когда традиционные правовые институты подвергались существенной модификации в соответствии с новой идеологической парадигмой. «В первые десятилетия существования СССР звучали призывы полностью отказаться от него, как от пережитка старой буржуазной государственности. Однако затем произошло переосмысление значения презумпции невиновности. Предлагалось рассматривать его как особое процессуально-правовое положение обвиняемого и даже закрепить в качестве ведущего принципа уголовного судопроизводства. Между тем, высказываемые доводы против внедрения принципа презумпции невиновности были направлены не на реализацию карательной функции уголовного судопроизводства, а на желание создать такой оптимальный механизм уголовно-процессуального регулирования, при котором государственные органы могли бы полно, обстоятельно и тщательно устанавливать все доказательства виновности или невиновности подозреваемого или обвиняемого» [10, с. 143].

В историко-правовом контексте следует отметить, что «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года в статье 5 содержал существенно редуцированную формулировку процессуальной гарантии, ограничившись

установлением нормы о недопустимости лишения свободы и применения меры пресечения в виде заключения под стражу иначе как в строго предусмотренных законодательством случаях и исключительно в установленном законом порядке» [31, с. 229].

Данное положение нашло законодательное закрепление в следующих нормах:

- в ст. 111 УПК РСФСР 1923 г., согласно которой «при производстве предварительного следствия следователь обязан выяснить и исследовать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности» [44];
- в ст. 319 УПК РСФСР 1923 г., которая устанавливала, что «суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности» [44].

Как справедливо отмечал М. С. Строгович, «...содержание презумпции невиновности постоянно осуществлялось в судебной практике того исторического периода. При этом встречающиеся ее нарушения всегда означали нарушения законности, приводящие к вынесению неправильных, незаконных и необоснованных приговоров» [58, с. 148].

Здесь следует обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 27 декабря 1946 г. по делу Калинина. Этим постановлением отменено определение Судебной коллегии по уголовным делам, в котором содержалось положение, что версия обвиняемого может иметь доказательственное значение только в том случае, если обвиняемый докажет основательность своей версии.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР указано следующее: «Это положение не только не основано на законе, но находится в глубоком

противоречии с основными принципами советского уголовного процесса, согласно которым всякий обвиняемый считается невиновным, пока его невиновность не будет доказана в установленном законом порядке. По содержанию и духу советского закона не обвиняемый обязан доказывать свою невиновность, а органы обвинения обязаны доказать правильность предъявленного обвинения» [52].

В научной литературе советского периода отмечается, что ведущие процессуалисты (В.М. Савицкий, М.С. Строгович, В.С. Тадевосян и др.) последовательно развивали доктринальные положения о презумпции невиновности. В 1950-х годах их научная деятельность была направлена на теоретическое обоснование необходимости полновесного законодательного закрепления данного принципа в уголовно-процессуальном праве. При этом особые претензии у советских ученых, включая В.М. Савицкого и М.С. Строговича, «вызывали положения ст. 282 УПК РСФСР 1923 г., предусматривающей возможность усеченного судебного следствия в случае признания обвиняемым своей вины: если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон. Сохранение данной нормы при недобросовестном выполнении следователями своих функций могло привести к значительному нарушению прав обвиняемому и вынесению незаконных и необоснованных приговоров. Критика ст. 282 УПК РСФСР 1923 г. была обоснована тем, что на время судебного разбирательства отрицалось действие принципа презумпции невиновности» [17, с. 64].

В ходе разработки проекта Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года вопрос о процессуальном закреплении рассматриваемого принципа стал предметом специального обсуждения в рабочей комиссии Президиума Верховного Совета РСФСР, возглавляемой видным советским процессуалистом М.С. Строговичем. Как убедительно продемонстрировал в

своих научных трудах указанный автор, сохранение спорной процессуальной нормы фактически означало рецидив розыскных начал инквизиционного процесса с присущей ему абсолютизацией значения признания обвиняемого как доминирующего доказательства (Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 168). В результате последовательной научной позиции, занятой Строговичем и его единомышленниками, предложения о введении упрощенной процедуры судебного разбирательства были отклонены при окончательном принятии кодекса.

Следует констатировать, что УПК РСФСР 1960 года, несмотря на указанные достижения, не осуществил прямого нормативного закрепления презумпции невиновности в ее доктринально завершенной форме. Однако в результате кодификационной работы в текст кодекса были инкорпорированы ключевые элементы данного принципа, что имело существенное значение для дальнейшей эволюции процессуальных гарантий в советском уголовном судопроизводстве и создало необходимые предпосылки для последующей полной институционализации презумпции невиновности в отечественном уголовно-процессуальном праве. Так, ст. 13 «Осуществление правосудия только судом» устанавливала, что правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда. В ч. 2 ст. 20 содержался запрет суду, прокурору, следователю и лицу, производящему дознание, возлагать обязанность доказывания на обвиняемого. В ч. 2 ст. 77 прямо прописывалось, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу [61]. Данные положения УПК РСФСР в полной мере соответствовали ст. ст. 7, 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а также ч. 1 ст. 36, которая устанавливала, что акт предания суду не предрешает вопроса о виновности и ч. 4 ст. 43, которая содержала положение о том, что обвинительный приговор не может быть основан на

предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. [58, с. 168].

В 1977 г. была принята новая Конституция СССР, в ст. 160 которой появилась норма, закрепляющая отдельные положения презумпции невиновности: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом».

Полная и соответствующая современному пониманию формулировка принципа презумпции невиновности нашла отражение лишь в 1992 г. в Конституции РСФСР: «каждый обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором компетентного, независимого и беспристрастного суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (ч. 1 ст. 65)». Практически без изменений данная законодательная формулировка перекочевала в ст. 49 Конституции РФ 1993 года [23] и в принятый в 2001 году Уголовный процессуальный кодекс РФ [62] (далее – УПК РФ).

1.2 Презумпция невиновности как частный случай действующих правовых презумпций

Прежде чем перейти к анализу содержания и сущности принципа презумпции невиновности, представляется методологически необходимым исследовать общетеоретическую категорию правовой презумпции, поскольку данный правовой феномен составляет концептуальную основу рассматриваемого принципа. В доктринальном понимании правовая презумпция представляет собой законодательно закреплённое предположение о наличии или отсутствии юридически значимых фактов, которое действует

до тех пор, пока не будет доказано обратное. Изучение природы и функционального значения данного правового инструментария позволяет глубже осмыслить специфику презумпции невиновности как особого вида правовой презумпции, обладающего уникальными характеристиками в системе уголовного судопроизводства.

В научной литературе дается более развернутый перевод данного понятия как «некого предположения, косвенно или прямо закрепленного в правовой норме, в соответствии с которым определенный порядок вещей в области социальных отношений признается обыденным и не нуждающимся в доказывании» [4, с. 72].

Исследуя теоретические подходы к пониманию правовой презумпции, Е.А. Анчишина пишет о том, что для правовой презумпции характерна определённая юридическая конструкция. Формула правовой презумпции: «Если А, то предполагается Б, пока не доказано иное» [3, с. 71].

Если обратиться к содержанию ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, гласящей, что «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [23], то легко заметить, что конституционно-правовое закрепление презумпции невиновности полностью соответствует приведенной выше формуле: «Если лицо обвиняется в совершении преступления, то предполагается, что он невиновен, пока его виновность не будет подтверждена в предусмотренном законом порядке приговором суда» [3, с. 71]. Иными словами, в доктринальном понимании правовой статус обвиняемого в рамках действия принципа презумпции невиновности характеризуется следующим юридическим парадоксом: несмотря на существование достаточных оснований для предположения о его причастности к совершению инкриминируемого деяния, данное предположение не приобретает характера юридически значимого факта до момента вынесения соответствующего судебного решения.

Следует подчеркнуть, что презумпция невиновности представляет собой универсальный принцип современного правосудия, получивший международно-правовое признание и закрепленный в основных правовых системах мирового сообщества. Данный принцип выступает фундаментальной гарантией защиты прав личности в уголовном процессе и является неотъемлемым элементом концепции верховенства права в демократическом обществе. Он нашел свое законодательное закрепление в п. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека [13], п. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [29], п. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [22]

В ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека закреплена норма о том, что «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [13]. Из представленной выше нормы можно сделать вывод о «наличии тесной связи между правом человека на защиту в рамках уголовного преследования и рассмотрения уголовного дела в суде и презумпцией невиновности. Естественное и неотчуждаемое право любого человека на квалифицированную юридическую защиту предоставляется в условиях гласного судебного разбирательства. До тех пор, пока вина человека в совершенном преступлении не будет доказана всей совокупностью собранных и исследованных судом доказательств, он будет считаться невиновным. Человек может самостоятельно доказывать свою невиновность или привлекать для данной цели адвоката» [3, с. 72].

Итак, принцип презумпции невиновности выступает неотъемлемым элементом правового государства и обязательным критерием демократичности уголовного процесса, поскольку его реализация обеспечивает необходимый баланс между интересами правосудия и защитой основных прав личности в уголовном судопроизводстве. В этой связи

соответствие национального законодательства и правоприменительной практики требованиям презумпции невиновности является индикатором степени соблюдения в государстве общепризнанных принципов верховенства права и международных стандартов в области защиты прав человека.

Принцип презумпции невиновности обладает всеми признаками принципа права:

- «нормативностью (закреплен в действующих нормативных правовых актах, в том числе, в Конституции РФ и УПК РФ);
- аксиоматичностью (не требует доказательств и выводимости), т.е. должен приниматься всеми участниками правовых отношений как положение, не требующее доказательств;
- концептуальностью (определяет основные положения процессуального законодательства, а также действия органов и должностных лиц предварительного следствия и дознания, а также суда)» [11, с. 58].

На основании сказанного можно резюмировать, что «презумпция невиновности отвечает всем формальным условиям правовой презумпции, является наиболее значимой и характерной для демократического государства правовой презумпцией. Более того, эта презумпция определяет весь порядок, как предварительного расследования, так и судебного следствия. Согласно данной правовой презумпции, следователь или дознаватель, расследуя уголовное дело, не могут делать никаких выводов о виновности обвиняемого. Такая прерогатива исключительно принадлежит только суду» [21, с. 171].

В этой связи неслучайно Э. Ферми признавал за процессуальным кодексом «право называться кодексом людей, которые не признаны виновными» [69, с. 71].

Презумпция невиновности логически вытекает из содержания ст. 14 УПК РФ и устанавливает, что «признание вины в совершении преступления может иметь место не иначе, как по судебному приговору. Только суд вправе определить степень виновности или невиновности лица, которое

подозревается в совершении вменяемого ему преступлению. До судебного приговора любые выводы о виновности или невинности подсудимого не будут иметь юридической силы, что в полной мере соответствует более общему принципу – объективной истины, согласно которому истинно лишь то, что доказано. Но в данном случае не только доказано, но и подтверждено судебным приговором. Но даже вынесенный судебный приговор не может с абсолютной объективностью свидетельствовать о правильности сделанных судом выводов. Лишь после того, как судебный приговор вступит в законную силу, можно однозначно судить о том, что данное лицо, действительно, виновно в совершенном преступлении» [20, с. 94].

Основная задача суда состоит не в том, чтобы доказать виновность обвиняемого, а в том, чтобы установить истину по расследуемому делу. Перефразируя высказывание Э. Ферми, можно утверждать, что «обвиняемый до тех пор признается «честным», пока обратное не будет доказано в установленном законом порядке» [37, с. 40].

Презумпция невинности занимает доминирующее положение в системе юридических презумпций, обладая особой нормативно-регулятивной природой в рамках уголовно-процессуального регулирования. Как системообразующий элемент процессуального права, данный принцип оказывает детерминирующее воздействие на всю архитектуру уголовного судопроизводства, регламентируя как досудебные стадии процесса, так и процедуру судебного разбирательства. Его нормативная сущность конституирует базисные основания правового положения обвиняемого, имплицитно императивное требование о необходимости легитимного доказывания виновности в строго регламентированной процессуальной форме как *conditio sine qua non* для правомерного ограничения конституционных прав и свобод индивида.

Как справедливо указывает Л. В. Головкин, от принципа презумпции невинности «напрямую зависит как содержание и успех уголовно-

процессуальной деятельности, так и действенность гарантий личной свободы, предоставляемых в уголовном процессе» [24, с. 118].

Данный принцип выполняет регулятивную функцию на всех стадиях уголовного судопроизводства, формируя правовые барьеры против формирования обвинительного уклона до момента вынесения окончательного судебного акта, обладающего свойствами неопровержимой истинности в рамках действующей правовой системы. В этой связи Л.Ш. Беракашвили и В.П. Игнатов указывали на то, что «данный принцип имеет важное значение в уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел» [8, с. 91].

Содержательный анализ норм, закрепленных в статье 49 Конституции РФ и статье 14 УПК РФ, демонстрирует, что презумпция невиновности включает в себя ряд фундаментальных правовых положений, среди которых следует выделить:

- согласно части 1 статьи 49 Конституции Российской Федерации и части 1 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации индивид, в отношении которого сформулировано обвинение, признается невиновным *de jure* до момента обретения юридической силы обвинительным приговором судебной инстанции. Данная правовая аксиома предполагает абсолютный запрет на квалификацию обвиняемого в качестве преступника, поскольку его виновность не получила процессуального подтверждения посредством установленной законодательством процедуры доказывания. Только вступивший в силу обвинительный приговор придает обвиняемому статус осужденного, тогда как оправдательный приговор подтверждает его невиновность. Указанный правовой статус обеспечивает лицу защиту от преждевременных утверждений о его виновности, в том числе со стороны средств массовой информации, поскольку подобные заявления могут быть квалифицированы как клевета. При этом даже вынесенный обвинительный приговор не является окончательным

подтверждением виновности: в соответствии с УПК РФ, осужденный вправе обжаловать приговор в течение 10 суток. До истечения срока на обжалование или до рассмотрения жалобы вышестоящей инстанцией приговор не вступает в силу, а лицо продолжает считаться невиновным. Данная правовая гарантия обусловлена необходимостью минимизации судебных ошибок и предоставлением осужденному возможности оспорить неправомерное решение;

- положения части 2 статьи 49 Конституции Российской Федерации и части 2 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации имплицитно освобождает обвиняемого от какой-либо процессуальной обязанности по доказыванию своей невиновности. В контексте досудебного производства представители стороны обвинения правомочны формулировать вероятностные суждения относительно виновности лица, однако вынесение окончательных квалификационных выводов до завершения судебного разбирательства представляет собой нарушение принципа презумпции невиновности;
- согласно части 3 статьи 49 Конституции Российской Федерации и части 3 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, любые неустранимые сомнения в виновности обвиняемого подлежат истолкованию в его пользу. Данная правовая норма предоставляет обвиняемому возможность использовать в своих интересах все имеющиеся процессуальные сомнения, максимально реализуя право на защиту посредством представления доказательств своей невиновности. Указанное положение является важнейшей гарантией защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, поскольку оно препятствует вынесению необоснованных обвинительных решений при отсутствии бесспорных доказательств виновности.

В научной доктрине существует позиция, разделяемая рядом исследователей (Ю.Г. Арзамасов [5, с. 43], О.В. Волколуп, Ю.Б. Чупилкин [12, с. 32]), согласно которой принцип презумпции невиновности составляет основу права на защиту. Представленная концепция обладает существенной теоретической обоснованностью, поскольку именно презумпция невиновности, детерминирующая правовой статус лица как невиновного до момента легитимного установления его виновности, конституирует сущностные характеристики и целеполагание защитительной деятельности. В данном аспекте установление факта невиновности подозреваемого или обвиняемого трансцендирует рамки процессуальной задачи, приобретая характер имманентной функции субъектов защиты в уголовном судопроизводстве.

Указанные нормативные положения обладают фундаментальным значением для обеспечения гарантий защиты прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений, прежде всего подозреваемых и обвиняемых. В этой системе правоотношений принцип презумпции невиновности выполняет регулятивную функцию, выступая в качестве правового механизма, обеспечивающего справедливое разрешение возникающих коллизий и защиту основополагающих прав личности в условиях уголовного преследования. Как указано в научной литературе, «презумпция невиновности защищает уголовное судопроизводство от дисбаланса частных и публичных интересов, поскольку в данной сфере, по сравнению с другими областями общественной жизни, он наиболее вредоносен» [60, с. 52].

В научной литературе распространен подход к пониманию права на защиту, как «совокупности принадлежащих подозреваемому и обвиняемому уголовно-процессуальных прав, в том числе, таких прав, благодаря которым они могут защищаться от необоснованного подозрения или обвинения» [16, с. 14], выяснять обстоятельства, которые смягчают их вину [18, с. 109]; [63, с. 219].

В этой связи, по мнению М. М. Парфенова и И.И. Конаха, «право на защиту является основой всех процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого, поскольку оно предоставлено лицу для того, чтобы отстоять свои законные интересы» [39, с. 32].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что «в рамках научной доктрины право на защиту обосновывается посредством двух ключевых принципов: презумпции невиновности и обеспечения доступа к квалифицированной юридической помощи, включая случаи ее бесплатного предоставления» [39, с. 37]. Указанные концепции раскрывают содержательные аспекты данного права, демонстрируя при этом дифференциацию направлений деятельности судебных и правоохранительных органов в контексте реализации процессуальных гарантий защиты. В то же время необходимо учитывать существующую в теории уголовного процесса точку зрения, согласно которой «право на защиту не обладает автономным статусом, а является производным элементом системы иных процессуальных принципов, в первую очередь презумпции невиновности, что свидетельствует о его обеспечительной функции в механизме уголовно-процессуального регулирования» [42, с. 32].

По мнению сторонников этого подхода, «существует определенная иерархия принципов уголовного процесса. На вершине этой иерархической лестнице находится принцип презумпции невиновности, при этом, все остальные принципиальные положения лишь логически вытекают из его содержания» [42, с. 32].

С методологической точки зрения, «вся система уголовного судопроизводства, включая организацию предварительного расследования и судебного производства, основывается на фундаментальном положении о непризнании виновности подозреваемого или обвиняемого до момента установления их вины в установленном законом порядке компетентными органами и последующего подтверждения данного факта судебным решением» [16, с. 72]. Именно данное концептуальное положение

детерминирует построение системы защиты прав обвиняемого, предоставляющей ему возможность опровергать предъявленные обвинения.

Принцип презумпции невиновности «определяет правовые границы процессуального положения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, закрепляя его правовой статус до момента вынесения окончательного судебного решения. В соответствии с данным принципом, лицо, в отношении которого выдвинуто подозрение или предъявлено обвинение в совершении преступления, сохраняет юридически значимый статус невиновного вплоть до вступления в законную силу обвинительного приговора суда» [11, с. 57].

Данное положение сохраняет свою силу независимо от применения мер процессуального принуждения, включая задержание, заключение под стражу или иные ограничения правового характера, что подчеркивает обеспечительную функцию данного принципа в системе уголовно-процессуальных гарантий.

Важно подчеркнуть, что подобные ограничительные меры, будучи мерами процессуального обеспечения, «никоим образом не предопределяют окончательную оценку виновности лица, поскольку окончательная квалификация его действий остается исключительной прерогативой судебного органа. В системе уголовного судопроизводства ключевое значение имеет нормативно закреплённое требование, согласно которому вынесение обвинительного приговора допустимо исключительно при условии достижения достоверной и неопровержимой доказательственной базы, устанавливающей виновность подсудимого в ходе судебного производства» [18, с. 354]. При этом любые неустранимые сомнения в доказанности инкриминируемого деяния, возникающие в результате недостаточности, противоречивости или недостоверности представленных доказательств, подлежат обязательной интерпретации в пользу обвиняемого, что соответствует фундаментальным требованиям принципа презумпции невиновности и обеспечивает реализацию охранительной функции

уголовного процесса. Существенно, что недостаточность доказательной базы или объективная невозможность ее восполнения исключают правовую возможность признания лица виновным, поскольку в соответствии с частью 2 статьи 14 УПК РФ обязанность доказывания обвинения полностью возлагается на сторону обвинения, тогда как обвиняемый не несет процессуальной обязанности опровергать предъявленные ему обвинения.

При этом следует особо подчеркнуть, что субъективные убеждения, личные мнения или частные точки зрения должностных лиц, осуществляющих процесс доказывания (включая следователя, судью или иных субъектов уголовного процесса), не могут служить правовым основанием для вывода о виновности или невиновности лица, поскольку оценка доказательств должна осуществляться исключительно на основе принципов объективности, всесторонности и полноты исследования обстоятельств дела в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Как справедливо отмечает А.Б. Чемакин, «следователь в силу презумпции невиновности должен сознавать, что это убеждение остается его субъективным мнением до тех пор, пока вина человека не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда» [73, с. 52-53].

Согласно п. 1 ст. 17 УПК РФ судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Следует подчеркнуть, что подобные оценочные суждения обладают значительным потенциалом воздействия на ход судебного разбирательства, поскольку могут детерминировать избирательность в оценке доказательств, предопределять направленность процессуальных решений и в конечном итоге влиять на объективность судебного вердикта, что требует установления дополнительных процессуальных гарантий для нейтрализации подобных когнитивных искажений. В данном контексте особую актуальность приобретает вопрос о недопустимости проявления судейской предвзятости,

поскольку субъективное отношение судьи к подсудимому может детерминировать характер выносимого судебного акта, что противоречит фундаментальным принципам объективности и беспристрастности правосудия, закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве.

Доказательственное значение принципа презумпции заключается в том, что «следствие и суд могут делать выводы о виновности обвиняемого в той мере, в какой эти выводы подтверждены проверенными и доброкачественными доказательствами» [60, с. 172].

Научный анализ позволяет утверждать, что в процессе вынесения приговора судебный орган обязан основывать свое внутреннее убеждение на всестороннем, полном и объективном исследовании совокупности доказательств, представленных в рамках судебного производства, при этом категорически исключая возможность принятия решений на основании умозрительных заключений или субъективных интерпретаций, не нашедших подтверждения в материалах уголовного дела.

Как справедливо указывается, «синонимом справедливости является беспристрастность. Тот судья справедлив, который судит объективно, анализируя максимум представленных по делу доказательств. Игнорирование тех или иных доказательств, которые не согласуются с пристрастным убеждением судьи, является прямым нарушением принципа презумпции невиновности. Приговор будет несправедливым, если судья, вынесший его, будет пристрастен, не будет учитывать всех обстоятельств и фактов, собранных по делу. Другим требованием справедливости приговора является его законность. Если судья судит, руководствуясь только личными побуждениями, на основе чувств и личных пристрастий, он не будет объективен, а, значит, несправедлив. Свой приговор по делу судья не может мотивировать, например, жалостью к оправданному или желанием его наказать по всей строгости закона. В основе приговора должна быть определенная норма права. Если к решению судьи нельзя применить определенную норму, он действовать, исходя из общих принципов права, или

принимать решение на основе аналогии закона» [1, с. 17].

Конституционно-правовые основы осуществления правосудия в Российской Федерации, закрепленные в части 1 статьи 118 Конституции РФ и части 1 статьи 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [68], устанавливают исключительную компетенцию судебных органов в сфере отправления правосудия, категорически исключая возможность его реализации какими-либо иными государственными или негосударственными институтами.

Данный фундаментальный принцип судоустройства имеет определяющее значение для реализации презумпции невиновности, поскольку правомочность рассмотрения и разрешения уголовных дел конституционно закреплена исключительно за судебными органами, учрежденными в соответствии с законодательством. Особый статус судебной власти в России обеспечивается институциональными гарантиями, включающими процедуру назначения судей Президентом Российской Федерации, требования к их профессиональной квалификации, что в совокупности формирует необходимый уровень общественного доверия к судебным решениям.

Ключевой гарантией реализации принципа презумпции невиновности выступает конституционно закреплённый запрет на учреждение внеправовых судебных образований, не предусмотренных Конституцией Российской Федерации и системой федерального конституционного законодательства. Данный правовой механизм обеспечивает монополию судебной власти на принятие окончательных решений о виновности субъекта уголовного преследования, что находит своё нормативное выражение в положениях пункта 1 статьи 14 УПК РФ, устанавливающего прерогативу исключительно судебного решения, вступившего в законную силу, для официального признания виновности лица в совершении инкриминируемого деяния. Указанная юридическая конструкция акцентирует особый статус судебной системы как единственного конституционного института, наделённого исключительной компетенцией по отправлению правосудия и вынесению

окончательных решений в сфере уголовно-правовой ответственности, что обеспечивает системное соблюдение фундаментальных принципов правового государства в уголовном судопроизводстве.

Отмечая важность и значения принципа презумпции невиновности, И.В. Смолькова и Х.А. Каландаришвили отмечают следующее: «во-первых, презумпция невиновности как общеправовой принцип; во-вторых, презумпция невиновности как морально-этическая категория права; в-третьих, презумпция невиновности как одна из конституционных гарантий, определяющих правовой статус личности; в-четвертых, презумпция невиновности как один из принципов, регулирующих доказательственный процесс; в-пятых, связь презумпции невиновности и принципов правосудия Российской Федерации» [55, с. 88].

Итак, проведенное исследование позволяет установить, что презумпция невиновности представляет собой универсальный принцип современного правосудия, получивший международно-правовое признание и закреплённый в основных правовых системах мирового сообщества. Данный принцип выступает фундаментальной гарантией защиты прав личности в уголовном процессе и является неотъемлемым элементом концепции верховенства права в демократическом обществе.

Принцип презумпции невиновности обладает фундаментальным значением в системе уголовно-процессуальных гарантий, выполняя ключевую функцию защиты прав лиц, вовлечённых в сферу уголовного преследования, от необоснованных ограничений и осуждения.

В теоретико-правовом измерении презумпция невиновности представляет собой универсальный юридический механизм, обеспечивающий защиту от неправомерного осуждения любых субъектов, потенциально подвергаемых уголовно-правовому воздействию, что подчеркивает его значение как важнейшего элемента системы гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве.

Глава 2 Процессуальная регламентация применения принципа презумпции невиновности

2.1 Реализация принципа презумпции невиновности в ходе предварительного расследования

В соответствии с частью 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации принцип презумпции невиновности относится к категории абсолютных прав, не подлежащих ограничению даже в условиях введения особых правовых режимов, что подчеркивает его исключительное значение как гаранта защиты личности от произвольного уголовного преследования. Такой правовой характер презумпции невиновности обуславливает необходимость ее последовательной реализации на протяжении всего процесса уголовного преследования - от момента возбуждения уголовного дела до вынесения окончательного судебного решения.

Презумпция невиновности представляет собой «объективное правовое положение участвующих со стороны защиты лиц, включая подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, но не должна предписывать личное представление об их степени виновности со стороны должностных лиц органов, которые осуществляют предварительное расследование и дознание. Аналогичное положение распространяется и на должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [65]. В ином случае неминуемо был бы установлен полный запрет на осуществление деятельности, связанной с выявлением, расследованием и преданием суду лиц, совершивших преступление. Если презумпцию невиновности на стадии предварительного расследования понимать в ином ключе, были бы умалены и нивелированы важнейшие конституционные права, в том числе, охрана государством прав потерпевших и обеспечении им доступа к правосудию (ст. 52 Конституции РФ); право каждого на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ), а, значит, и на эффективную защиту от посягательств на неё; право каждого на свободу и

личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ); и т.д. Презумпция невиновности обеспечивает реализацию указанных прав, гарантирует соблюдение всеми субъектами предварительного расследования терпимого, уважительного и, безусловно, непредвзятого отношения к подозреваемым и обвиняемым» [73, с. 54-55].

Данный правовой принцип требует от правоохранительных органов объективного и беспристрастного подхода к сбору и оценке доказательств, исключая возможность предвзятых выводов о виновности участников уголовного судопроизводства до окончательного разрешения дела судебным органом.

«Теоретико-правовое осмысление презумпции невиновности в контексте статуса подозреваемого и обвиняемого на этапе предварительного расследования раскрывается через систему следующих фундаментальных положений:

- закрепление правового положения лица, как невиновного, несмотря на выдвинутые подозрения в совершении преступления или предъявленное обвинение;
- подозреваемый, обвиняемый считаются невиновным до вступления в законную силу обвинительного приговора суда, при этом, субъективное мнение должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, никак не должно влиять на правовое положение обвиняемого и подозреваемого;
- должна быть обеспечена соразмерность между теми ограничениями прав и свобод, которым подвергается подозреваемых или обвиняемый в связи с подозрением в совершении преступления, и законными целями уголовного судопроизводства. Такие ограничения не должны рассматриваться в качестве аналога уголовного наказания;
- в случае реабилитации лица, незаконно подвергнутого уголовному преследованию, должно быть обеспечено право реабилитированного

на возмещение со стороны государства как морального, так и материального вреда (ст. 53 Конституции РФ, ст. ст. 133, 136, 138 УПК РФ)» [75, с. 62-63].

Нормативное содержание данного принципа, закрепленное в УПК РФ, предоставляет подозреваемому комплекс процессуальных прав, обеспечивающих эффективную защиту его законных интересов. В частности, законодатель гарантирует подозреваемому возможность оспаривания любых фактических данных и доказательств, послуживших основанием для возникновения подозрения, как лично, так и через привлеченного защитника, что составляет важнейший элемент механизма реализации презумпции невиновности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Более того, «задержание подозреваемого должно происходить только в соответствии с законом и в установленном уголовно-процессуальном порядке. Подозревая лицо в совершении преступления, должностное лицо органа предварительного расследования, не должно публично высказывать или обсуждать степень виновности подозреваемого. Субъективное мнение должностного лица, осуществляющего расследование, при этом не должно выходить за рамки осуществления уголовного преследования и становится достоянием широкой общественности. Иначе может сложиться не основанное на проверенных данных и не подтвержденное судебным приговором уверенность в его абсолютной виновности. Такая уверенность в виновности обвиняемого противоречит сущности презумпции невиновности. Именно по этой причине законом предусмотрена тайна следствия, поскольку обнародованные данные незавершенного предварительного расследования могут быть истолкованы неверно, а также искажены. При этом виновность лица, подозреваемого в совершении преступления, не будет оспариваться, что, безусловно, недопустимо» [12, с. 76].

Как отмечают В.Н. Авдеев и И.О. Воскобойник, «обязательным условием выполнения принципа презумпции невиновности является участие защитника:

- с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;
- с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления;
- с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ» [2, с. 32-37].

Проведенный системно-структурный анализ положений ст. ст. 16, 46, 47 УПК РФ позволяет выделить комплекс процессуальных гарантий, включающий: обязанность по своевременному и полному разъяснению прав участникам процесса, обеспечению участия защитника, рассмотрению ходатайств, созданию условий для представления доказательств. Указанные гарантии формируют институциональную основу механизма обеспечения состязательности и равноправия сторон, что соответствует современным стандартам уголовного судопроизводства демократического правового государства.

«Обладающему широким набором процессуальных прав подозреваемому должна быть обеспечена гарантированность соблюдение презумпции невиновности (ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Для этого подозреваемый самостоятельно или с помощью защитника вправе оспаривать в законном порядке любые сведения, которые непосредственно положены в основу подозрения. В то же время, как верно указано в юридической литературе, презумпция невиновности начинает действовать с того момента, когда у подозреваемого появилось право на защиту, т.е. с момента фактического задержания или избрания по отношению к нему меры пресечения» [63, с. 49].

В соответствие с правовой позиции, высказанной в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «правом на защиту обладают не только непосредственно подозреваемый и обвиняемый, но и лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и

свободы процессуальные действия при проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело (уголовное преследование) прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче; а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица» [46].

В рамках уголовно-процессуальной доктрины представляется обоснованным тезис о необходимости экстраполяции правового режима презумпции невиновности на доследственную стадию проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) в отношении лица, выступающего предметом такой проверки. Данная концептуальная позиция детерминирована необходимостью обеспечения процессуальных гарантий для субъекта, вовлекаемого в сферу уголовно-правового реагирования, что исключает возможность преждевременных оценочных суждений относительно его потенциальной виновности на начальном этапе производства.

Применительно к стадии предварительного расследования имплементация принципа презумпции невиновности порождает принципиально важное правовое следствие: «ни одно из промежуточных процессуальных решений (включая постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования) не обладает преюдициальной силой в части установления виновности, даже при наличии формальных оснований и достаточной совокупности доказательств, свидетельствующих о наличии в действиях лица признаков состава преступления» [20, с. 94].

В этой связи Г.А. Шумский справедливо указывает на то, что «презумпция невиновности не зависит от субъективного мнения следователя и не прекращает своего действия, когда следователь приходит к окончательному выводу о виновности обвиняемого» [75, с. 9].

Действительно, важно обратить внимание на то, что «вывод следователя о степени виновности или невиновности подозреваемого или обвиняемого лежит лишь в плоскости его субъективного мнения, даже если это мнение подкреплено весомыми доказательствами, собранного в ходе предварительного расследования. Лишь только суд, и никакой другой орган или должностное лицо, уполномочен принимать окончательное решение о виновности или невиновности обвиняемого» [75, с. 12].

Отсутствие у привлеченного к уголовной ответственности лица обязанности доказывать свою невиновность и наличие права не свидетельствовать против себя самого (ч. 2 ст. 49 и ч. 1 ст. 51 Конституции РФ), не исключают возможности проведения – независимо от того, согласен на это подозреваемый или обвиняемый либо нет, – различных следственных действий с его участием (осмотр места происшествия, опознание, получение образцов для сравнительного исследования и т.д.), а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств по уголовному делу. Подобные действия, при условии соблюдения установленной уголовно-процессуальным законом процедуры и последующей судебной проверки и оценки полученных доказательств, не могут быть расценены как недопустимое ограничение гарантированного Конституцией РФ права, поскольку их совершение предполагает достижение конституционно значимых целей, вытекающих из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [36].

«Если привлеченный к уголовной ответственности по тем или иным причинам отказывается от участия в процессе доказывания или неспособен осуществить это право, сбор, изучение и анализ доказательств осуществляются независимо от такого отказа. Отказ обвиняемого от

доказывания своей невиновности не является основанием для признания его виновным в совершенном преступлении. Подобное поведение может иметь и иную мотивацию. Например, подозреваемый не верит в профессионализм и добросовестность должностных лиц органов предварительного следствия и дознания, недоверчиво относится к суду, считая, что суд действует не беспристрастно. В любом случае отказ от активной защиты со стороны подозреваемого или обвиняемого не может быть истолкован в пользу его виновности, поскольку доказывать причастность подозреваемого, обвиняемого к совершенному преступлению обязаны исключительно органы предварительного расследования и его должностные лица» [71, с. 14].

В практике Конституционного Суда РФ находит подтверждение вывод о том, что «если на стадии предварительного расследования обвиняемый не принимал активного участия в доказывании своей невиновности и не заявлял ходатайств о допросе определенных свидетелей, это не лишает его возможности заявить такие ходатайства в стадии судебного разбирательства» [45].

«Анализ нормативного регулирования реализации принципа презумпции невиновности на стадии предварительного расследования позволяет констатировать отсутствие доктринального единства в определении круга субъектов, в отношении которых данный принцип подлежит непосредственному применению. Проведенное исследование выявляет существующие дискуссионные подходы в правовой доктрине и судебной практике относительно персонификации основного адресата действия рассматриваемого принципа в досудебных стадиях уголовного процесса» [21, с. 232].

Отмечается, что «основным субъектом, на которого распространяется принцип презумпции невиновности, согласно ст. 49 Конституции выступает обвиняемый. Однако положения ст. 49 Конституции РФ перенесены в УПК РФ со значительными изменениями. Во-первых, в Конституции РФ назван только один участник уголовного судопроизводства, на которого

распространяется действие презумпция невиновности, – обвиняемый (в ч. 3 ст. 49 Конституции РФ используется также термин «лицо»), тогда как в ст. 14 УПК РФ указан еще один участник – подозреваемый. Представляется, что различия в формулировках Конституции РФ и УПК РФ обусловлены тем, что конкретизация презумпции невиновности должна быть проведена (и это, в принципе, закономерно) в уголовно-процессуальном законе» [28, с. 36].

Д.Р. Мажинян писал, что «презумпция добропорядочности каждого гражданина трансформируется в презумпцию невиновности уже с момента появления в уголовном судопроизводстве лиц, невиновность которых вызывает сомнения у правоохранительных органов, т.е. лиц, которые уголовно-процессуальным законом могут именоваться подозреваемыми, обвиняемыми, подсудимыми, лицами, совершившими преступление, лицами, совершившими деяния, содержащие признаки преступления» [28, с. 32].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что при фактической причастности обвиняемого к инкриминируемому деянию, последний может прибегать к стратегии отрицания вины посредством дачи заведомо ложных показаний, что, однако, не влечет уголовно-правовых последствий в силу прямого установления законодателем иммунитета от ответственности за ложные показания для данной процессуальной фигуры. В условиях возможного первоначального отсутствия у органов предварительного следствия и дознания достоверных данных, опровергающих позицию обвиняемого, на компетентных должностных лиц возлагается процессуальная обязанность по верификации представленных сведений и формированию доказательственной базы, достаточной для объективного установления обстоятельств дела. При этом следует подчеркнуть, что даже при наличии совокупности доказательств, убедительно свидетельствующих о причастности лица к совершению преступления, преждевременная квалификация его в качестве преступника противоречит фундаментальным положениям презумпции невиновности, поскольку окончательное установление виновности представляет собой исключительную прерогативу судебной

власти и может быть констатировано исключительно посредством вступившего в законную силу судебного решения.

«В своем обвинительном заключении следователь лишь выражает свое профессиональное мнение о виновности лица. Такое же мнение выражает и прокурор, когда санкционирует арест подозреваемого или направляет уголовное дело в суд с утверждением обвинительного заключения. Несмотря на то, что данное мнение и следователя, и прокурора выражено официально, оно является исключительно субъективным и не служит ни подтверждением, ни опровержением виновности обвиняемого. Прокурор не должен желать исключительно вынесения обвинительного приговора, хотя и высказывает свое мнение относительно сроков и окончательной меры уголовного наказания. Подобные вопросы должен решать лишь суд. Государственный обвинитель должен стремиться лишь к представлению суду объективной информации, на основе которой суд принимает окончательное решение. Будучи субъективными, убеждения государственного обвинителя не должны порождать тех негативных последствий, которые связаны с признанием подсудимого виновным в совершенном им преступлении» [38, с. 245].

2.2 Реализация принципа презумпции невиновности в судебном производстве

В ч. 1 ст. 49 Конституции РФ выражен наиболее важный правовой аспект презумпции невиновности, который определяет следующее:

- «только суд обладает правомочием решать вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Никакой другой государственный орган этим правом не обладает;
- единственной формой признания виновности или невиновности подсудимого является приговор суда, вступивший в законную силу;
- до вынесения приговора, ни один подсудимый не может считаться преступником» [54, с. 161].

Судьи осуществляют свои полномочия независимо, подчиняясь исключительно требованиям закона. Данный правовой режим исключает возможность какого-либо внешнего воздействия на судей с целью формирования определенной позиции по делу, даже если такое воздействие мотивировано соображениями государственной или общественной пользы. Исключительное право на установление виновности или невиновности лица принадлежит строго определенному законом кругу субъектов, осуществляющих правосудие на основе принципов беспристрастности и независимости. При этом законодательство Российской Федерации категорически исключает возможность делегирования судебных полномочий каким-либо иным государственным органам или должностным лицам, а также создание чрезвычайных судебных инстанций, не предусмотренных действующей правовой системой.

Статья 17 УПК РФ закрепляет принцип свободы оценки доказательств, предоставляя судьям право формировать внутреннее убеждение на основе как правовых норм, так и нравственно-этических ориентиров. Принимаемое судом решение, будучи закреплённым в приговоре, носит судьбоносный характер для подсудимого, определяя перспективы его дальнейшей социальной реализации либо принудительной изоляции от общества, что обуславливает необходимость его вынесения на основе всестороннего, объективного и взвешенного анализа всех обстоятельств дела в их нормативном и аксиологическом измерениях.

Статья 19 УПК РФ закрепляет процессуальное право участников уголовного судопроизводства на апелляционное обжалование судебных решений, что формирует важный механизм судебного контроля. «В соответствии с установленным правовым порядком, приговор приобретает юридическую силу только после исчерпания всех предусмотренных законом способов его обжалования. До этого момента сохраняется презумпция неоконченности судебного акта» [54, с. 168]. Юридически значимое признание лица виновным в совершении преступления наступает

исключительно с момента вступления приговора в законную силу. Институт апелляционного пересмотра выполняет существенную правозащитную функцию, выступая как средство коррекции возможных судебных ошибок и одновременно определяя процессуальный режим вступления судебных решений в законную силу, что обеспечивает баланс между принципами правовой определенности и справедливого правосудия.

В соответствии с положениями части 2 статьи 77 УПК РФ признание вины, совершенное обвиняемым, приобретает статус доказательства исключительно при условии его верификации посредством совокупности имеющихся в уголовном деле доказательственных материалов. Указанная норма императивно предписывает судебным органам осуществлять всесторонний и объективный анализ каждого доказательства в рамках судебного следствия, формируя окончательные процессуальные выводы относительно виновности либо невиновности подсудимого лишь на основании конвергентного анализа всей системы доказательств, отвечающих критериям допустимости, относимости и достоверности. Данное требование законодателя направлено на минимизацию рисков вынесения судебного решения, основанного исключительно на самоинкриминирующих показаниях обвиняемого без их надлежащей процессуальной проверки. При этом признание вины не может рассматриваться как приоритетное доказательство, нивелирующее значение других материалов дела, поскольку судебная практика знает многочисленные случаи самооговора, когда подсудимый сознательно берет на себя вину за преступление, фактически совершенное иным лицом.

В соответствии со ст. 119 УПК РФ подсудимый обладает значительным объемом процессуальных правомочий, обеспечивающих его активное участие в судебном производстве, в том числе правом заявления ходатайств, представления возражений, заявления отводов, а также правом воспользоваться процессуальной прерогативой отказа от дачи показаний. Принципиально важно отметить, что реализация указанного права не может

интерпретироваться в качестве индикатора виновности либо служить доказательством причастности к вменяемому противоправному деянию. Подобная процессуальная позиция может детерминироваться комплексом субъективных факторов, включая: несогласие с выводами следственных органов, расхождение во взглядах с защитником относительно тактики защиты, психологические особенности личности, либо иными мотивами, не имеющими непосредственной связи с установленными по делу фактическими обстоятельствами. Данное положение корреспондирует с фундаментальными принципами уголовного судопроизводства, в частности с презумпцией невиновности и правом на защиту. Таким образом, отказ от дачи показаний представляет собой законное право подсудимого, реализация которого не должна влечь негативных процессуальных последствий и не может служить основанием для предвзятого отношения к обвиняемому.

В этой связи А.В. Панышина пишет о том, «никакие предположения не могут являться основанием признания виновности» [38, с. 245].

«В стадии судебного следствия суду надлежит исследовать все собранные по делу и предоставленные суду доказательства, в том числе:

- допросить подсудимых, свидетелей, потерпевших,
- произвести детальный осмотр вещественных доказательств,
- заслушать заключения экспертов,
- огласить протоколы следственных действий и другие документы» [28, с. 42].

«Проявлением реализации принципа презумпции невиновности является предъявление доказательств сторонами, проведение иных судебных действий в рамках судебного следствия. На стадии судебного следствия не могут делаться промежуточные выводы об окончательно виновности подсудимого уже в силу того, что собранных доказательств достаточно для признания его виновности. Вопрос о достаточности и относимости доказательств разрешается судом. Суд может принять новые доказательства, полученные сторонами в процессе судебного разбирательства и рассмотреть

их. Только беспристрастное и объективное рассмотрение всех доказательств по уголовному делу позволяет сделать верный вывод о виновности или невиновности подсудимого» [28, с. 44].

Следует подчеркнуть, что высказываемые в ходе прений суждения носят исключительно оценочный характер и не обладают свойствами обязательности для суда, поскольку окончательная юридическая квалификация деяния относится к исключительной компетенции судебного органа. В частности, государственный обвинитель, руководствуясь положениями п. 7 ст. 246 УПК РФ, обязан сформировать и представить суду аргументированную позицию, подтверждающую обоснованность предъявленного обвинения, либо – при выявлении недостаточности доказательств – заявить мотивированный отказ от поддержания обвинения с детализацией соответствующих правовых оснований. Хотя такой отказ не влечет автоматического оправдания подсудимого, он подлежит обязательному учету в рамках комплексной оценки доказательственной базы при вынесении итогового судебного решения, что соответствует принципам объективности и беспристрастности правосудия.

Как указывает Д.В. Татьяна, «суд при осуществлении производства по уголовному делу должен исходить из предполагаемой невиновности обвиняемого, вина которого должна быть установлена путем исследования представленных сторонами доказательств» [59, с. 53].

В итоге рассмотрения уголовного дела суд приходит к одному из трех выводов:

- «вина подсудимого доказана, и он подлежит осуждению;
- вина подсудимого не доказана, и он должен быть освобожден в помещении суда;

вина подсудимого не доказана, поскольку определенные доказательства вины суду представлены, но у суда есть сомнения в их достаточности или достоверности» [59, с. 42].

В соответствии с принципом презумпции невиновности, юридически значимым признается лишь один из двух возможных судебных выводов - либо доказанная виновность, либо установленная невиновность подсудимого, поскольку отсутствие достаточных доказательств виновности *de jure* приравнивается к доказанности невиновности.

Центральным элементом имплементации рассматриваемого принципа в стадии судебного разбирательства выступает постановление правосудного приговора, детерминированного всесторонним, полным и объективным исследованием совокупности обстоятельств уголовного дела, что обеспечивает конгруэнтность судебного акта как нормативным предписаниям уголовно-процессуального закона, так и фундаментальным принципам справедливости.

В процессуальном аспекте приговор представляет собой акт правосудия, содержащий окончательное решение суда первой или апелляционной инстанции относительно установления факта виновности либо невиновности подсудимого, с сопутствующим назначением меры уголовно-правового воздействия или освобождением от таковой (п. 29 ст. 5 УПК РФ). Данный судебный акт обладает свойствами общеобязательности и исключительности, выступая процессуальной формой реализации уголовной ответственности в строгом соответствии с требованиями материального и процессуального права.

В юридическом энциклопедическом словаре дается следующее определение приговора: «приговор – акт правосудия по уголовному делу. Он выносится и провозглашается от имени государства и завершает судебное разбирательство по уголовному делу.

Приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым. Это означает, что приговор, как по существу, так и по форме, соответствует требованиям законодательства; выражает соответствие выводов суда фактам, имевшим место при совершении преступления и установленным в ходе расследования и судебного разбирательства дела; основан на доказательствах,

рассмотренных судом в судебном заседании, выражает объективную истину. Приговор должен быть мотивирован» [76, с. 167].

Значение этого термина кратко раскрывается в Толковом словаре русского языка: «решение суда после слушания уголовного дела» [35, с. 208].

О значении судебного приговора в процессе реализации презумпции невиновности указывает и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»: «конституционное положение о том, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, определяет значение судебного приговора как важнейшего акта правосудия и обязывает суды неукоснительно соблюдать требования законодательства, предъявляемые к приговору» [49].

В соответствие с определением, которое приведено в п. 28 ст. 5 УПК РФ, признаками приговоры являются следующие:

- «это процессуальный акт правоприменительного характера, вынесенный в отношении определенного лица;
- данный процессуальный акт выносится об имени российского государства судом первой или апелляционной инстанции;
- приговор постановляется для утверждения вины подсудимого или его невиновности;

в приговоре устанавливается мера уголовного наказания, если вина подсудимого доказана, или принимается решение об окончательном или частичном освобождении от уголовного наказания, а в случае вынесения оправдательного приговора принимается решение о немедленно освобождении подсудимого в помещении суда» [74, с. 34].

Судебное решение должно основываться исключительно на достоверно установленных и процессуально закрепленных доказательствах, полностью исключая какие-либо предположительные суждения или субъективные оценки относительно виновности подсудимого, что соответствует

фундаментальным принципам уголовного судопроизводства, в частности презумпции невиновности.

В этой связи в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» обращается внимание на следующее обстоятельство: «в силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д.), толкуются в пользу подсудимого. Признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора» [49].

Стандарт доказывания, соответствующий принципу *in dubio pro reo* (все сомнения толкуются в пользу обвиняемого), предполагает, что вывод о виновности должен базироваться на системе доказательств, обладающих свойствами относимости, допустимости и достоверности, при этом их совокупность должна достигать уровня, исключающего возможность альтернативной интерпретации установленных фактических обстоятельств. Такой подход отражает диалектическую природу судебного познания, ограниченного процессуальными рамками и основанного на вероятностной, а не абсолютной оценке доказательственного материала. В соответствии с частью 3 статьи 14 УПК РФ, все неустранимые сомнения в виновности подсудимого подлежат обязательному истолкованию в его пользу, что влечет за собой процессуальную обязанность суда дать отрицательный ответ на вопрос о доказанности обвинения при наличии подобных сомнений. Данные положения отражают фундаментальные принципы уголовного судопроизводства, направленные на обеспечение правовой защиты личности от необоснованного обвинения.

Таким образом, в приговоре «утверждается наличие состава преступления, который является основанием уголовной ответственности. Отсюда реализация последней возможна только при наличии вступившего в законную силу приговора суда, установившего вину подсудимого в совершении преступления» [14, с. 14].

Резюмируя проведенный анализ, необходимо констатировать, что принцип презумпции невиновности выполняет системообразующую функцию в уголовном судопроизводстве, выступая методологической основой судебной деятельности на всех стадиях процесса - от инициирования судебного разбирательства до вынесения итогового процессуального решения в форме приговора.

Для органов правосудия соблюдение данного принципа приобретает характер абсолютного императива, детерминирующего как объективность исследования доказательств, так и беспристрастность судебной оценки.

Нарушение презумпции невиновности представляет собой существенное процессуальное правонарушение, недопустимое для любого участника судопроизводства, при этом для суда ее соблюдение имеет особое значение в силу его исключительной компетенции в вопросах установления виновности.

Следует особо подчеркнуть, что лишь с момента вступления обвинительного приговора в законную силу - при условии его подтверждения совокупностью проверенных доказательств и отсутствия их опровержения в апелляционном порядке - лицо приобретает правовой статус осужденного.

Данная процессуальная конструкция воплощает в себе фундаментальную гарантию защиты прав личности, обеспечивая баланс между интересами уголовного преследования и незыблемостью правовых позиций обвиняемого в состязательном процессе.

Глава 3 Проблемные вопросы реализации принципа презумпции невиновности

3.1 Проблемы процессуальной регламентации принципа презумпции невиновности

Анализ теоретических исследований, посвященных изучению природы принципа презумпции невиновности, демонстрирует существование в научной доктрине множества концептуальных подходов к определению его правовой сущности и содержательного наполнения.

В современной юридической науке сформировался широкий спектр научных позиций, зачастую носящих дискуссионный характер, относительно смыслового наполнения, функционального назначения и нормативного содержания данного принципа. Некоторые исследователи, например, указывают на «невозможность ведения процесса с обвинительным уклоном, основывая выводы о виновности лица на предположениях» [71, с. 10].

В некоторых исследованиях при рассмотрении сущности презумпции невиновности указывается на «необходимость избегать судебных или следственных ошибок, поскольку осуждено должно быть только действительно виновное в совершенном преступлении лицо» [17, с. 108]. По мнению И.Я. Фойницкого, «из содержания принципа презумпции невиновности следует исключить положение о том, что неустранимые сомнения должны толковаться в пользу подсудимого» [70, с. 208].

Проведенное исследование позволяет констатировать отсутствие в современной правовой доктрине консенсуса относительно содержательного наполнения принципа презумпции невиновности, что находит выражение в существенном плюрализме его концептуальных интерпретаций. Наблюдаемая в научном дискурсе тенденция характеризуется, с одной стороны, определенной ревизией традиционных элементов данного принципа, а с другой - его содержательной экспансией за счет инкорпорации новых

концептуальных положений, включая императив минимизации следственных и судебных ошибок. Указанная динамика отражает поступательную эволюцию правосознания и совершенствование процессуальных гарантий защиты личности в контексте современных стандартов уголовного судопроизводства, демонстрируя адаптацию классических правовых конструкций к вызовам современной юридической практики.

Значимой для определения сущности рассматриваемого принципа является высказанная О.В. Левченко идея о том, что «невиновность лица может быть выражена в виде принципа, правовой презумпции и правового института» [26, с. 43]. Однако, по мнению И.Н. Сенякина, «презумпция невиновности является, прежде всего, принципом юридического процесса» [54, с. 157] и не может пониматься иначе. Такое понимание презумпции невиновности имеет важное теоретическое и прикладное значение, поскольку данный принцип, по мнению И.Н. Сенякина, «следует распространять на все виды юридических процессов, даже если этот принцип не находит в соответствующих отраслевых и процессуальных нормах соответствующего закрепления» [54, с. 159].

С позицией расширительного толкования принципа презумпции невиновности согласен также В.М. Абдрашитов. По его мнению, «презумпция невиновности является общим принципом права и находит специфическое выражение в различных отраслях права, например, семейном или гражданском. Однако нужно отметить, что ни в семейном или гражданском праве данный принцип легально не закреплён» [1, с. 11].

Анализ презумпции невиновности в аспекте её дуалистической правовой природы – одновременно как юридической презумпции и принципа права – выявляет существенные доктринальные дивергенции между указанными правовыми категориями. Данные различия детерминированы их дивергентной функциональной направленностью, вариативной степенью нормативной определённости и дифференцированной сферой имплементации в правовой системе. Такая дихотомия обуславливает необходимость чёткого

концептуального разграничения данных правовых феноменов при теоретическом осмыслении их содержания и практического применения в процессуальной деятельности. Так, В. М. Баранов полагает, что «презумпция и принцип представляют собой различные уровни обобщения знаний, а, следовательно, выступают отличными друг от друга правовыми категориями» [7, с. 105].

При этом в понятие принципов права вкладывается более широкое понимание. Так, «если принципы права выражают основополагающие идеи, не требующие проверки на истинность или ложность, т.е. абсолютные и всеми признаваемые идеи, то правовые презумпции влекут предположения, истинность или ложность которых еще требуется доказать. Здесь возникает логическое противоречие, поскольку руководящие идеи права являются обязательно истинными суждениями и не требуют мыслительной деятельности по их проверке, а правовые презумпции основаны на вероятностном знании и требуют проверки и подтверждения (или опровержения)» [16, с. 32].

Несмотря на имманентно вероятностный характер правовых презумпций как логико-гносеологических конструкций, основанных на гипотетических умозаключениях, законодатель обладает правом трансформации таких предположений в принципы права при условии их концептуальной значимости для всей системы уголовного судопроизводства. Подобная метаморфоза становится возможной, когда презумпция начинает выполнять системообразующую функцию, детерминируя концептуальные основы и процессуальную архитектуру уголовного процесса. Ярким примером такой трансформации выступает презумпция невиновности, эволюционировавшая от статуса частной юридической презумпции до уровня фундаментального отраслевого принципа благодаря своей ключевой роли в формировании гарантий правосудия и обеспечении процессуального баланса между стороной обвинения и защиты. Данный законодательный дискреционный акт отражает диалектику развития правовых институтов, когда логико-гносеологические конструкции приобретают нормативно-

ценностное измерение. Такое мнение выражает К.К. Панько, который полагает, что «судебное исследование не может закончиться безрезультатно, поэтому законодатель со всей определенностью высказался в пользу презумпции невиновности, возведя гипотетическое (основанное на гипотезе) предположение в ранг принципа, закрепленного в Конституции РФ (ст. 49) и УПК РФ (ст. 14). Этот законодательный прием позволил выйти из тупиковой ситуации, при которой с необходимой достоверностью нельзя установить как невиновность лица, так и его виновность» [37, с. 38].

Таким образом, нужно признать, что «применительно к презумпции невиновности не существует противоречия между пониманием ее в качестве принципа права, как истинного положения, и правовой презумпции, как суждения вероятностного. Здесь важно понимать, что презумпция невиновности характеризует значимый правовой статус подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, в отношении которых выдвигается предположение об их невиновности до вынесения судебного приговора. Важность презумпции невиновности на всех стадиях уголовного судопроизводства (за исключением стадии исполнения приговора, поскольку на этой стадии виновность осужденного уже доказана судом) позволяет отнести данную правовую презумпцию к числу ключевых принципов уголовного судопроизводства. Тем самым, следует выразить согласие с теми учеными-процессуалистами, которые относят презумпцию невиновности к числу наиболее важных и базовых принципов уголовного судопроизводства» [1, с. 14].

Нормативная фиксация принципа презумпции невиновности в ст. 14 УПК РФ характеризуется недостаточной юридической определенностью, что обуславливает необходимость совершенствования его законодательной формулировки. При этом следует подчеркнуть, что сфера имплементации данного правового института не подлежит редукции к кругу конкретных субъектов уголовного процесса (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый), поскольку его регулятивное воздействие распространяется на все стадии

уголовного судопроизводства и охватывает всю совокупность процессуальных правоотношений. Подобная универсальность применения обусловлена фундаментальной природой данного принципа, который выполняет системообразующую функцию в механизме уголовно-процессуального регулирования. Представляется важным в этой связи изложить содержание принципа презумпции невиновности в ч. 1 ст. 14 УПК РФ следующим образом: «Каждый человек, подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления, должен считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в порядке, предусмотренном законом, и установлена вступившим в законную силу приговором суда, при обеспечении ему всех возможностей для защиты».

В советском уголовном процессе существовала спорная точка зрения о том, что «презумпция невиновности умалчивает, как только орган предварительного расследования завершит сбор доказательств в пользу виновности обвиняемого или, когда сам обвиняемый сознается в содеянном преступлении» [43, с. 187]. Признание собственной вины, тем самым, как бы отменяет действие принципа презумпции невиновности. По мнению исследователей, «смыслом презумпции невиновности является не отражение реального и объективного положения обвиняемого или подозреваемого, а служит лишь вспомогательным логическим методом, применяемым следователем, дознавателем, прокурором или судьей в процессе уголовного преследования и судебного рассмотрения» [43, с. 113]; [77, с. 185]. Например, М.Л. Якуб в этой связи указывал, что «в уголовно-правовом смысле обвиняемый невиновен, но применительно к уголовно-процессуальным отношениям такое утверждение неправильно. Установление условий привлечения в качестве обвиняемого и направление дела в суд является обоснованием обвинения, то есть доказательством опровержения невиновности обвиняемого, следовательно, лицо, привлекаемое в установленном законом порядке в качестве обвиняемого, не может считаться невиновным» [77, с. 186].

С позицией, высказанной советскими исследователями, согласиться нельзя, поскольку «они отрицают существование и действие принципа презумпции невиновности, умаляют его смысл и значение. На стадии предварительного расследования следователь или дознаватель могут иметь собственное, основанное на полученных доказательствах, убеждение о виновности обвиняемого. Данное субъективное мнение, несмотря на результаты проведенных следственных действий и неоспоримые факты, свидетельствующие о виновности обвиняемого, будет отвечать объективной истине только тогда, когда суд вынесет обвинительный приговор и данный приговор вступит в законную силу. До этого момента убеждение следователя или дознавателя в виновности обвиняемого будет оставаться лишь их субъективным мнением и не отвечать критериям истинности. При вынесении оправдательного приговора данное субъективное мнение будет опровергнуто. Следует признать, что невиновность лица является безусловной лишь перед законом, несмотря на то, что следователь и дознаватель в стадии предварительного расследования искренне уверены в непоколебимости факта виновности подозреваемого и обвиняемого, поскольку располагают доказательствами, подтверждающими факт совершения этим лицом расследуемого преступления. До вступления в законную силу обвинительного приговора любые убеждения участников уголовного процесса со стороны обвинения в виновности подсудимого не имеют юридического значения с позиции всего правоохранительного и судебного механизма» [18, с. 125-126].

Следует признать «объективный характер принципа презумпции невиновности, отражающий реальный правовой статус обвиняемого и подсудимого, его независимость от результатов следственных действий, собранных по уголовному делу совокупности доказательств и субъективного мнения отдельных участников уголовного процесса» [8, с. 229]. В этой связи можно оспорить формулировку данного принципа, приведенную в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, согласно которой «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным...».

«Доктринальный анализ части 1 статьи 49 Конституции РФ выявляет дискуссионность используемой законодательной конструкции, в частности применение термина «считается», что имплицитно предполагает возможность субъективной интерпретации правового статуса подозреваемого или обвиняемого со стороны правоприменительных органов без создания действенных процессуальных гарантий» [17, с. 128].

Эмпирические данные правоприменительной практики свидетельствуют о формировании ситуации, при которой указанные субъекты лишены объективного признания их невиновности на досудебных стадиях процесса. В этой связи обосновывается необходимость лексической модификации конституционной нормы путем замены субъективной категории «считается» на объективную дефиницию «является», что обеспечит абсолютный характер презумпции невиновности до момента вступления обвинительного приговора в законную силу, исключив тем самым дискреционные оценки участников уголовного судопроизводства.

Аналогичную научную полемику вызывает герменевтика части 2 статьи 49 Конституции РФ, закрепляющей освобождение обвиняемого от обязанности доказывания своей невиновности, поскольку данная формулировка не содержит исчерпывающего регулирования вопроса о распределении бремени доказывания между иными участниками уголовного процесса, оставляя неопределенность в отношении круга субъектов, на которых возлагается соответствующая процессуальная обязанность. Указанная лакуна в конституционном регулировании требует доктринального осмысления и возможной законодательной корректировки в целях обеспечения единообразия правоприменительной практики.

Ф.Г. Шахкелдов в этой связи полагает, что «обстоятельства, подтверждающие обвинение, обязан доказать обвинитель, а обстоятельства, опровергающие обвинение, т.е. устанавливающие невиновность, обязан доказать обвиняемый» [74, с. 33].

Позиция Ф. Г. Шахкелдова может показаться убедительной и справедливой, однако так только кажется на первый взгляд. «Если в гражданском процессе подобное правило еще действует, то в уголовном процессе на стадии предварительного расследования возможности обвинения и защиты неравноценны, и сторона защиты не поставлена в равное положение относительно стороны обвинения» [73, с. 58].

Вопрос о нормативном закреплении императива толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, установленного статьей 49 Конституции Российской Федерации и частью 3 статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, является предметом научной дискуссии в аспекте его отнесения к содержательным элементам принципа презумпции невиновности.

Ряд процессуалистов оспаривают тезис о том, что указанное правило является составной частью данного принципа, что свидетельствует о существовании различных доктринальных подходов к определению его нормативного содержания.

Э.И. Клямко полагает, что «правило о толковании неустранимых сомнений в пользу гражданина вытекает из общелогических законов и не входит в содержание принципа презумпции невиновности» [20, с. 91]. Данная позиция никем из современных ученых не разделяется.

Принцип презумпции невиновности функционирует автономно от субъективных представлений участников процесса о виновности лица, что обуславливает необходимость совершенствования его нормативного закрепления посредством замены в части 1 статьи 49 Конституции РФ термина «считается» на категоричное «является», что позволит адекватно отразить объективное правовое положение лица, чья виновность не установлена вступившим в законную силу приговором суда. Такая законодательная корректировка будет способствовать укреплению гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве и исключению произвольных субъективных оценок правового статуса обвиняемого.

3.2 Проблемы правоприменительной практики реализации принципа презумпции невиновности

Практическая реализация принципа презумпции невиновности выявляет существенные коллизии правоприменительного характера, требующие научного осмысления и законодательного разрешения.

Наиболее дискуссионным аспектом выступает проблема дуализма позиции защитника на стадии судебных прений, когда профессиональная обязанность по защите прав подсудимого вступает в противоречие с требованиями объективности и законности судебного процесса. Данная правовая дилемма обусловлена сложным взаимодействием этических норм адвокатской деятельности и процессуальных требований уголовного судопроизводства.

Сущность данной позиции защитника заключается в том, что, «с одной стороны, защитник ссылается на невиновность своего подзащитного, а, с другой стороны, просит суд при вынесении обвинительного приговора учесть обстоятельства, смягчающие наказание, либо указывает на необходимость переквалификации преступления на менее тяжкое. Получается, что защитник, отстаивающий невиновность своего подзащитного, убежден в том, что суд все равно вынесет обвинительный приговор и поэтому просит суд смягчить негативные последствия, связанные с вынесением приговора и назначением подсудимому уголовного наказания» [26, с. 92].

Проведенный историко-правовой и теоретико-правовой анализ, включая исследование нормативной базы, позволяет констатировать, что защитник в уголовном процессе выполняет ключевую роль как субъект, профессионально обеспечивающий реализацию права на защиту подозреваемого и обвиняемого. Функциональное назначение защитника сохраняет свою значимость даже при наличии у него достоверных сведений о виновности подзащитного, проявляясь в стремлении к минимизации правовых последствий посредством смягчения наказания или переквалификации деяния.

Нормативное закрепление процессуального статуса защитника в уголовном процессе осуществляется исключительно в отношении субъектов, обладающих официальным адвокатским статусом, приобретенным в установленном законодательством порядке.

Юридическим основанием участия адвоката выступает соглашение, имеющее гражданско-правовую природу, но реализующееся в публично-правовой сфере, что создает уникальный симбиоз частных и публичных начал в уголовном процессе. В предусмотренных законом случаях обеспечивается участие государственного защитника, финансируемого за счет бюджетных средств, что гарантирует доступность квалифицированной юридической помощи независимо от материального положения обвиняемого.

Профессиональная деятельность защитника осуществляется в строгих рамках законности и адвокатской этики, при этом распространенный тезис о безусловном приоритете воли клиента подлежит ограничительному толкованию в соответствии с нормами уголовного и уголовно-процессуального права. В процессе защиты адвокат вправе использовать любые не запрещенные законом средства доказывания, при условии соблюдения установленных правовых ограничений, поскольку противоправно полученные доказательства теряют юридическую силу.

Функциональное различие между адвокатом-защитником и адвокатом-представителем проявляется в диаметрально противоположных процессуальных целях: если первый ориентирован на защиту обвиняемого от необоснованного привлечения к ответственности, то второй направлен на обеспечение интересов потерпевшего в части справедливого наказания виновного.

«Содержательное наполнение уголовно-процессуальной функции адвоката-защитника определяется комплексом специальных правомочий, обеспечивающих эффективную защиту прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого на всех стадиях уголовного судопроизводства:

- опровергать полностью или смягчать возникшие у следствия или дознания подозрения и обвинения. Данное правомочие реализуется посредством как сбора дополнительных (параллельно, но не вопреки следствию или дознанию) доказательств непричастности и невиновности подзащитного, так и поиска, и предоставления смягчающих обстоятельств, если причастность к совершению преступлению подтверждена;
- оказание полноценной юридической помощи подозреваемому, обвиняемому. Это правомочие означает разъяснение норм действующего законодательства, оформление и подача ходатайств, жалоб, дача рекомендаций подзащитному, как ему лучше всего вести в той или иной ситуации, а также в ряде случаев и оказание психологической поддержки» [12, с. 88-89].

И.Д. Перлов обосновывает двойственную позицию защитника тем, что, «если защитник не разделяет позицию отрицания вины своего подзащитного, то он данную позицию не должен оспаривать, но в своей речи может попросить суд учесть смягчающие обстоятельства при несогласии суда с подсудимым» [40, с.53].

По мнению В.А. Лазарева и Л.А. Шестаковой, «альтернатива не только возможна, но и необходима в случаях, когда оснований для оспаривания обвинения явно недостаточно» [25, с. 277].

Концепция двойственной позиции адвоката-защитника представляется теоретически несостоятельной и противоречащей нормативным основам уголовного судопроизводства, поскольку публичное признание виновности доверителя в судебных прениях вступает в прямое противоречие с принципом презумпции невиновности, закрепленным в статье 49 Конституции РФ, и создает предпосылки для формирования у суда предвзятой оценки доказательств, что может детерминировать принятие обвинительного вердикта. Нормативно-правовое регулирование адвокатской деятельности, регламентированное Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об

адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [67], устанавливает императивные требования к характеру профессионального взаимодействия защитника с доверителем, среди которых центральное место занимает принцип безусловного приоритета интересов подзащитного. В частности, пункт 3 части 4 статьи 6 указанного нормативного акта содержит прямой запрет на занятие адвокатом позиции, противоречащей воле доверителя, за исключением экстраординарных случаев, когда у защитника имеются неопровержимые доказательства факта самооговора со стороны подзащитного. Данная правовая конструкция исключает возможность легитимации двойственных стандартов в деятельности защитника, поскольку подобная практика не только девальвирует фундаментальные принципы уголовного судопроизводства, но и подрывает доверительные основы адвокатско-клиентских отношений.

В литературе существуют следующие виды адвокатских позиций:

- «полное отрицание вины подсудимого;
- частичное признание виновности подсудимого;
- полное признание вины подзащитным» [41, с. 22].

«В процессе осуществления защиты адвокат-защитник должен придерживаться последовательной и логически непротиворечивой процессуальной позиции, так как попытка сочетания альтернативных линий защиты не только нарушает принцип следования воле доверителя, но и приводит к существенной трансформации нормативной природы презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), подрывая тем самым фундаментальные основы уголовно-процессуального доказывания» [8, с. 189]. С методологической точки зрения, подобный плюрализм защитных стратегий в рамках одного производства противоречит базовым принципам юридической логики и создает системные противоречия в реализации функции защиты.

Для доказательства вышесказанного приведем следующий пример: «Адвокат Е. осуществлял защиту Г., который свою вину в содеянном не признал и от дачи показаний в судебном заседании отказался. При этом в

прениях в защиту интересов Г., просил назначить ему наказание, не связанное с лишением свободы. Суд в действиях адвоката усмотрел нарушение права на защиту, что послужило основанием к отмене судебного приговора» [32].

В другом деле «вопреки позиции подсудимого, в соответствии с которой, не только отрицалась виновность в убийстве потерпевшего А., но и высказывалась позиция, ставящая под сомнение то обстоятельство, что причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего явилось следствием его умышленных действий. Однако, адвокат М., выступая в прениях в защиту интересов К., отмечая недоказанность виновности своего доверителя в совершении инкриминированного ему деяния, просил о переквалификации его действий с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) и ст. 125 УК РФ (оставление в опасности). Тем самым, адвокат М., осуществляющий защиту осужденного К., занял в судебных прениях позицию, не соответствующую позиции подзащитного, действуя вопреки его интересам. Суд пришел к выводу о наличии оснований для отмены состоявшихся судебных решений» [33].

На практике «реализация принципа презумпции невиновности встречается с некоторыми проблемами процессуального характера, важнейшей из которых представляется нецелесообразное применение заключения под стражу» [51, с. 39].

Подчеркивается, что «действующая редакция статьи 108 УПК РФ позволяет при определенных условиях применять рассматриваемую меру пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, которым вменяется совершение преступления небольшой и средней тяжести, а также в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести. Указанная мера пресечения, являясь самой «карательной», наибольшим образом ограничивающей права и свободы человека, по условиям применения схожа с наиболее строгими режимами, действующими в исправительных учреждениях. В нормах законодательства определены порядок и условия содержания подозреваемых

и обвиняемых фактически в условиях строгой изоляции от общества [66]. Возникает ситуация, при которой невинные люди фактически находятся в условиях строгой изоляции от общества, несмотря на то, что их вина не доказана вступившим в законную силу судебным приговором. Безусловно, такое положение свидетельствует о прямом нарушении принципа презумпции невинности» [16, с. 51]. Проведенный анализ правоприменительной практики демонстрирует устойчивую корреляцию между нарушениями прав личности в уголовном судопроизводстве и системными отступлениями от предписаний уголовно-процессуального законодательства, что находит подтверждение как в эмпирических исследованиях российских правозащитных институтов [9], так и в официальных статистических данных судебных органов [34].

В данном контексте представляется обоснованным утверждение о том, что оптимизация существующей правовой ситуации требует внесения законодательных изменений в ст. 108 УПК РФ. «При прекращении производства по уголовному делу судом, например, в связи с примирением сторон или в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, судом выносится итоговое процессуальное решение, которое, как правило, содержит описание события преступления, позиции сторон по заявленному ходатайству о прекращении уголовного дела, факт состоявшегося примирения и сведения о форме возмещения ущерба или заглаживании вреда» [27].

К сожалению, на практике встречаются решения, содержащие в себе выводы о виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности. «Судьи в установочной части постановления о прекращении уголовного дела, уголовного преследования закрепляют и устанавливают факт совершения преступления привлекаемым к уголовной ответственности лицом, хотя данным судебным решением должна фиксироваться только позиция суда по заявленному ходатайству о прекращении уголовного дела и о наличии или отсутствии необходимых правовых условий для этого» [72].

Рассматривая процессуальную конструкцию прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, обратимся к ст. 76 УК РФ, согласно которой может быть освобождено от уголовной ответственности лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, которое примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Сходное положение содержится и в ст. 76.2 УК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. №19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указывается, что «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)» [48].

Возникает вопрос о том, требуется ли устанавливать факт совершения лицом преступления при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с примирением сторон или применения судебного штрафа.

В силу ч. 1 ст. 49 Конституции РФ виновность обвиняемого устанавливается только вступившим в законную силу приговором суда.

«Сравнительный анализ нормативных положений свидетельствует, что статьи 25 и 25.1 УПК РФ содержат более совершенные правовые конструкции, предусматривающие возможность прекращения уголовного преследования в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, без обязательного установления их виновности, в отличие от процедур, регламентированных статьями 76 и 76.2 УК РФ» [55, с. 90].

Реализация судом дискреционных полномочий в соответствии со статьями 76 или 76.2 УК РФ объективно требует предварительного установления факта совершения преступления конкретным лицом, что по своей правовой природе эквивалентно досрочному определению виновности вне рамок полноценной судебной процедуры, предусмотренной главой 35-39 УПК РФ. Данное обстоятельство приводит к возникновению правового

парадокса, когда формальное применение реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела фактически предполагает скрытое признание виновности лица без надлежащей судебной процедуры.

В.М. Лебедев указывает на то, что «в постановлении (определении) о прекращении дела по основаниям ст. 25 УПК РФ должно быть указано: какие деяния совершены, квалификация содеянного, факт совершения впервые преступления небольшой или средней тяжести, а также добровольность состоявшегося примирения, форма заглаживания вреда» [30, с. 97].

В юридической литературе также отмечается, что если «обвиняемый или подозреваемый согласен с прекращением уголовного дела, то получается, что как самим фактом прекращения уголовного дела по такому основанию, так и наступившими последствиями он признается виновным в совершении инкриминируемого ему деяния» [21, с. 125].

Высказывается мнение, согласно которому «в случае прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ признание обвиняемым своей вины в содеянном в отношении потерпевшего предполагается постольку, поскольку предполагается, что только виновный человек будет просить у потерпевшего прощение за те действия, в совершении которых он чувствует свою вину, именно поэтому он будет стремиться ее загладить и искупить, в том числе возместить причиненный своими виновными действиями ущерб» [19, с. 207].

Более того, авторами предлагается в диспозиции ст. 76 УК РФ «предусмотреть признание обвиняемым своей вины наряду с неутаиванием им фактов, имеющих значение для раскрытия и расследования преступления в качестве условий освобождения от уголовной ответственности, свидетельствующих о позитивном посткриминальном поведении совершившего преступление лица» [53, с. 218].

Следует согласиться с тем, что «в диспозиции ст. 76 УК РФ закреплена неудачная законодательная формула: «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести», которую предлагается

изложить в редакции: «лицо, обвиняемое в совершении преступления небольшой или средней тяжести впервые» [53, с. 216-217].

Основная задача состоит сейчас в том, «чтобы свести воедино в данном аспекте уголовное право и уголовный процесс, вспомнив, наконец, что в реальной действительности функционировать друг без друга они не могут» [15, с. 324].

В связи с вышесказанным следует признать справедливым утверждение о том, что при «прекращении уголовного преследования и освобождении лица от уголовной ответственности презумпция невиновности остается не опровергнутой. Более того, в этом нет необходимости, поскольку необходимость в ее обязательном опровержении в установленном законом порядке и в признании лица виновным существует лишь тогда, когда к этому лицу могут быть применены меры уголовной ответственности и наказания» [4, с. 32].

Однако представляется спорной позиция, в соответствии с которой «прекращение уголовного дела определяется как форма окончания уголовно-процессуального производства, содержанием которой является завершение исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию» [17, с. 110], поскольку такое понимание не в полной мере соответствует текущему законодательству и принципу презумпции невиновности.

И.Л. Петрухин указал, что «предположение о невиновности можно опровергнуть лишь в установленном законом порядке, а если этот порядок не был соблюден, обвиняемый по-прежнему считается невиновным.

Автор разъяснял, что соблюсти установленный законом порядок опровержения предположения о невиновности – значит «пропустить» дело через все стадии процесса (кроме исключительных), с тем, чтобы полностью была использована вся сложная система процессуальных гарантий, призванных обеспечить достижение истины и охрану прав граждан, участвующих в процессе» [42, с. 311].

В уголовно-процессуальной литературе отмечается, что «в первоначальной редакции проекта УПК РФ в статье, посвященной принципу презумпции невиновности, указывалось о разрешении сомнений в пользу обвиняемого, возникающих при применении уголовного и уголовно-процессуального закона» [50, с. 93].

Современная интерпретация рассматриваемой презумпции обладает расширенной сферой применения, что обусловлено использованием законодателем термина «все», подразумевающего учет любых возникающих сомнений.

Анализ судебной практики выявляет систематическое нарушение судьями процессуальных требований при вынесении решений о прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, выражающееся в необоснованном установлении виновности лица [57].

В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» разъяснено, что «при обжаловании постановления должностного лица о прекращении уголовного дела, при рассмотрении такой жалобы судья, не давая оценки имеющимся в деле доказательствам, должен выяснять, проверены ли и учтены ли дознавателем, следователем или руководителем следственного органа все обстоятельства, на которые указывает в жалобе заявитель, и могли ли эти обстоятельства повлиять на вывод о наличии оснований для прекращения уголовного дела.

При этом по результатам разрешения такой жалобы судья не вправе делать выводы о доказанности или недоказанности вины, о допустимости или недопустимости доказательств» [47].

Таким образом, приходим к следующим выводам.

Нормативное содержание принципа презумпции невиновности, закрепленное в статье 49 Конституции РФ, обладает абсолютным действием, не зависящим от субъективных представлений правоприменителей о

виновности лица, что актуализирует вопрос о совершенствовании его законодательной формулировки. В этой связи представляется методологически обоснованным внесение изменения в часть 1 статьи 49 Конституции РФ путем замены термина «считается» на «является», что позволит зафиксировать объективный характер правового статуса лица, подвергаемого уголовному преследованию, до момента вступления в законную силу обвинительного приговора.

Защитник в уголовном процессе выполняет ключевую роль как субъект, профессионально обеспечивающий реализацию права на защиту подозреваемого и обвиняемого. Функциональное назначение защитника сохраняет свою значимость даже при наличии у него достоверных сведений о виновности подзащитного, проявляясь в стремлении к минимизации правовых последствий посредством смягчения наказания или переквалификации деяния.

Высказывания адвоката, прямо или косвенно подтверждающие виновность подзащитного вопреки его воле, образуют состав процессуального нарушения, поскольку: во-первых, противоречат конституционному праву на защиту; во-вторых, нивелируют действие презумпции невиновности; в-третьих, создают предпосылки для судебной ошибки.

Профессиональный долг защитника исключает возможность альтернативной позиции, предполагающей признание вины, независимо от его субъективного убеждения, так как подобные действия деформируют саму природу состязательного процесса. В этой связи представляется необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве положение о безусловной отмене приговора, постановленного с учетом подобных нарушений, а также установить механизм дисциплинарной ответственности адвокатов за действия, подрывающие основы справедливого правосудия.

Заключение

Презумпция невиновности представляет собой универсальный принцип современного правосудия, получивший международно-правовое признание и закрепленный в основных правовых системах мирового сообщества. Данный принцип выступает фундаментальной гарантией защиты прав личности в уголовном процессе и является неотъемлемым элементом концепции верховенства права в демократическом обществе.

Презумпция невиновности представляет собой универсальный юридический механизм, обеспечивающий защиту от неправомерного осуждения любых субъектов, потенциально подвергаемых уголовно-правовому воздействию, что подчеркивает его значение как важнейшего элемента системы гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве.

Однако следует отметить, что нормативное закрепление данного принципа в Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации имеет более узкую сферу применения, ограничивая его действие исключительно лицами, официально признанными подозреваемыми или обвиняемыми в совершении преступления, что подчеркивает его специально-юридическое значение в системе уголовно-процессуальных гарантий.

Принцип презумпции невиновности выполняет системообразующую функцию в уголовном судопроизводстве, выступая методологической основой судебной деятельности на всех стадиях процесса - от инициирования судебного разбирательства до вынесения итогового процессуального решения в форме приговора.

Для органов правосудия соблюдение данного принципа приобретает характер абсолютного императива, детерминирующего как объективность исследования доказательств, так и беспристрастность судебной оценки.

Нарушение презумпции невиновности представляет собой существенное процессуальное правонарушение, недопустимое для любого

участника судопроизводства, при этом для суда ее соблюдение имеет особое значение в силу его исключительной компетенции в вопросах установления виновности.

Следует особо подчеркнуть, что лишь с момента вступления обвинительного приговора в законную силу - при условии его подтверждения совокупностью проверенных доказательств и отсутствия их опровержения в апелляционном порядке - лицо приобретает правовой статус осужденного.

Данная процессуальная конструкция воплощает в себе фундаментальную гарантию защиты прав личности, обеспечивая баланс между интересами уголовного преследования и незыблемостью правовых позиций обвиняемого в состязательном процессе.

Нормативное содержание принципа презумпции невиновности, закрепленное в статье 49 Конституции РФ, обладает абсолютным действием, не зависящим от субъективных представлений правоприменителей о виновности лица, что актуализирует вопрос о совершенствовании его законодательной формулировки. В этой связи представляется методологически обоснованным внесение изменения в часть 1 статьи 49 Конституции РФ путем замены термина «считается» на «является», что позволит зафиксировать объективный характер правового статуса лица, подвергаемого уголовному преследованию, до момента вступления в законную силу обвинительного приговора.

Наиболее дискуссионным аспектом выступает проблема дуализма позиции защитника на стадии судебных прений, когда профессиональная обязанность по защите прав подсудимого вступает в противоречие с требованиями объективности и законности судебного процесса. Данная правовая дилемма обусловлена сложным взаимодействием этических норм адвокатской деятельности и процессуальных требований уголовного судопроизводства.

Защитник в уголовном процессе выполняет ключевую роль как субъект, профессионально обеспечивающий реализацию права на защиту

подозреваемого и обвиняемого. Функциональное назначение защитника сохраняет свою значимость даже при наличии у него достоверных сведений о виновности подзащитного, проявляясь в стремлении к минимизации правовых последствий посредством смягчения наказания или переквалификации деяния.

Высказывания адвоката, прямо или косвенно подтверждающие виновность подзащитного вопреки его воле, образуют состав процессуального нарушения, поскольку: во-первых, противоречат конституционному праву на защиту; во-вторых, нивелируют действие презумпции невиновности; в-третьих, создают предпосылки для судебной ошибки.

Профессиональный долг защитника исключает возможность альтернативной позиции, предполагающей признание вины, независимо от его субъективного убеждения, так как подобные действия деформируют саму природу состязательного процесса. В этой связи представляется необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве положение о безусловной отмене приговора, постановленного с учетом подобных нарушений, а также установить механизм дисциплинарной ответственности адвокатов за действия, подрывающие основы справедливого правосудия.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдрашитов В.М. Презумпция невиновности: генезис и перспективы развития в законодательстве и практике Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2001. 22 с.
2. Авдеев В.Н., Воскобойник И.О. К вопросу об участии адвоката-защитника в ходе получения объяснений и осуществления иных процессуальных действий с участием лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении // Адвокатская практика. 2017. № 3. С. 32-37.
3. Анчишина Е.А. Презумпция в современном праве: понятие и правовое значение // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и права». 2021. Том 31. Вып. 1. С. 70-75.
4. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: автореферат дисс. ... д-ра юр. наук. М., 2010. 62 с.
5. Арзамасов Ю.Г. О понятии презумпций и их месте в системе средств юридической техники // Юридическая техника. Ежегодник. Первые Бабаевские чтения: «Правовые презумпции: теория, практика, техника» / гл. ред. В.М. Баранов. - Н. Новгород. 2010. № 4. С. 70-78.
6. Барабаш А.С. Очерк развития теории презумпции невиновности в России. Часть 1. Понятие презумпции невиновности до революции // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 1. С. 9-17.
7. Баранов В.М. Презумпция истинности норм советского права // Методологические проблемы государства и права. Куйбышев, 1986. С. 105-115.
8. Беракашвили Л.Ш., Игнатов В.П. Обеспечение прав и свобод человека правоохранительными органами РФ. М. : Щит, 2009. 419 с.

9. Велимирова В. Треть жалоб Татьяне Москальковой – на нарушения прав в уголовном судопроизводстве // Адвокатская газета: интернет-издание. 2018. 28 апр. URL.: <https://www.advgazeta.ru/> (дата обращения: 07.04.2025).
10. Вилкова Т.Ю. Принцип презумпции невиновности в период действия УПК РСФСР 1923 года // Юрид. наука. 2016. № 6. С. 143-147.
11. Вилкова Т.Ю. Презумпция невиновности – принцип уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 57-59.
12. Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: учеб. пособие. Краснодар: изд-во Кубанского университета, 2014. 160 с.
13. Всеобщая Декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 года // Социальная защита. 1995. № 11.
14. Головинская И.В. Судебный приговор: монография. Владимир: изд-во Владим. гос. ун-та, 2008. 189 с.
15. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 544 с.
16. Громов Н.А., Курушин С.А. Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ: учебно-практическое пособие. М. : Издательский дом И.И. Шумиловой, 2005. 135 с.
17. Загорский Г.И., Хатуаева В.В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: досудебное производство: курс лекций. М. : Проспект, 2020. 144 с.
18. Зуев С.В. Уголовный процесс: учебник. Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2019. 563 с.
19. Касаткина С. А. Признание обвиняемого: монография. М.: Проспект, 2010. 224 с.
20. Клямко Э.И. О правовом содержании принципа презумпции невиновности // Государство и право. 1994. № 2. С. 90-98.

21. Козубенко Ю.В. Механизм уголовно-правового регулирования и антисистема: монография. Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2013. 371 с.

22. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 года (с изм. от 13.05.2004) // Собрании законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

23. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных ФЗ от 01.07.2020 г. №1-ФЗ). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

24. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. - М. : Статут, 2019. 712 с.

25. Лазарева В.А., Шестакова Л.А. Судебная речь по уголовному делу: учеб. пособие. Самара: изд-во Самарского университета, 2018. 336 с.

26. Левченко О.В. Презумпция невиновности обвиняемого в доказывании по уголовным делам. Астрахань: Астрах. гос. техн. ун-т., 2001. 147 с.

27. Литой А., Дурново Г. Закон о зачете срока в СИЗО: как он будет работать. URL.: <https://ovdmfo.org/artides/2018/07/07/> (дата обращения: 07.04.2025).

28. Мажинян Д.Р. Презумпция невиновности и гарантии ее осуществления. Ереван: изд-во Ереван. ун-та, 1989. 128 с.

29. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеей ООН от 16 декабря 1966 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

30. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под общ. ред. В.М. Лебедева. - М. : Юрайт, 2021. 1181 с.

31. Недбайло Е.А. Развитие принципа презумпции невиновности в советский и постсоветский период // Молодой ученый. 2019. № 26 (264). С. 226-231.

32. Обзор надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за первое полугодие 2012 года, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 17 октября 2012 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

33. Обзор судебной практики по уголовным делам президиума Нижегородского областного суда за второй квартал 2013 года, утвержденный Постановлением Президиума Нижегородского областного суда от 07.08.2013). URL: <http://nnobsud.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/165-obzor-sudebnoj-praktiki-prezidiuma-2-kvartal-2013-goda> (дата обращения: 07.04.2025).

34. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году. URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (дата обращения: 07.04.2025).

35. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Книга, 1999. 1004 с.

36. Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2004 г. № 448-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 46 и пункта 3 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 12.

37. Панько К.К. Презумпции в уголовном праве и процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 4. С. 38-43.

38. Паньшина А.В. Презумпция невиновности в уголовном процессе // Молодой ученый. 2019. № 44 (282). С. 244-247.

39. Парфенова М.В., Конах И.И. Процессуальный статус и обеспечение прав подозреваемого: Монография. М. : Юрлитинформ, 2005. 96 с.

40. Перлов И.Д. Право на защиту: учеб. пособие. М. : Знание. 1969. 79 с.

41. Петракова М.С. Проблемы реализации основных положений презумпции невиновности в прениях и последнем слове подсудимого // Право: история, теория, практика: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2019 г.). СПб.: Свое издательство, 2019. С. 22-26.

42. Петрухин И.Л. Судебная власть. М.: ООО «ТК Велби», 2003. 720 с.

43. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М. : изд-во Моск. ун-та, 1956. 271 с.

44. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 года «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 7 (утратило силу).

45. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

46. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» / Российская газета от 5 июля 2013 г. № 145.

49. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

50. Радутная Н.В. Избранное. М. : РАП, 2010. 349 с.

51. Русман Г.С. Место презумпции невиновности в институте освобождения от уголовной ответственности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2022. Том 22. №1. С. 39-44.

52. Сборник Постановлений Пленума и Определений Коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1946-1962 гг. М. : Юрид. лит-ра, 1964. С. 46-47.

53. Сверчков В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2018. 586 с.

54. Сенякин И.Н. К вопросу о содержании презумпции невиновности в российском законодательстве // Очерки теории российского законодательства. Ч. 3. Волгоград, 2011. С. 157-178.

55. Смолькова И.В., Каландаришвили Х.А. Презумпция невиновности – конституционный принцип российского уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. С. 88-92.

56. Соборное Уложение 1649 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm> (дата обращения: 09.04.2025).

57. Справки по результатам изучения судебной практики применения мировыми судьями законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ), в 2019 году, 1 полугодии 2020 года, утвержденная Президиумом Верховного Суда Республики Крым 27 ноября 2020 г. URL: <http://vs.krm.sudrf.ru/> (дата обращения: 07.04.2025).

58. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. М. : Наука, 1968. 470 с.

59. Татьяна Д.В. Международные принципы в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / под ред. Т.В. Решетневой. - Ижевск, 2014. 119 с.

60. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография

/ под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2012. 304 с.

61. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. №40. Ст. 592.

62. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

63. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. - 5-е изд., перераб. и доп. - М. : Юрайт, 2021. 485 с.

64. Уложение о наказаниях уголовных 1845 года. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_002889696/ (дата обращения: 09.04.2025).

65. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144 (в ред. от 01.04.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

66. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от 07.04.2025) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

67. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

68. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 30.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

69. Ферми Э. Научные труды. Том 1. М.: Наука, 1971. 822 с.

70. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб. : Питер, 1996. Т. 2. 606 с.

71. Францифоров Ю.В., Пономаренков В.А., Громов Н.А. Презумпция невиновности в уголовно-процессуальном доказывании // Следователь. 1999. № 3. С. 10-15.

72. ФСИН заявила о переполненности следственных изоляторов в условиях коронавируса // Lenta.ru: интернет-издание. 2020. 20 апреля. URL.:

<https://lenta.ru/news/2020/04/20/fsin/> / (дата обращения: 07.04.2025).

73. Чемакин А.Б. Презумпция невиновности как гарантия обеспечения прав и свобод человека в уголовном процессе // Ученые записки: сборник научных трудов института государства и права. Вып. 3. Тюмень, 2002. С. 52-60.

74. Шахкелдов Ф.Г. Уголовно-процессуальное доказывание и место в нем защитника // Мировой судья. 2006. № 4. С. 32-37.

75. Щумский Г.А. Презумпция невиновности и обязанность доказывания на предварительном следствии: дисс ... канд. юр. наук. М., 2000. 170 с.

76. Юридический энциклопедический словарь / под ред. О.Е. Кутафина. - М. : Норма, 2015. 994 с.

77. Якуб М.Л. Советский уголовный процесс. М. : Госюриздат, 1966. 312 с.